

ТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЩЕНИЯ ИМЕНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА: ИМЕНОВАНИЯ Г. А. ПОТЕМКИНА И Е. И. ПУГАЧЕВА В ПАНЕГИРИКЕ И ИНВЕКТИВЕ

NATALIA V. KAREVA, EVGENIY M. MATVEEV

TROPOLOGICAL SUBSTITUTIONS OF A PERSONAL NAME IN RUSSIAN POETRY OF THE 18TH CENTURY:
GRIGORY POTEMKIN'S AND EMELYAN PUGACHEV'S APPELLATIONS IN PANEGYRIC AND INVECTIVE

Наталья Владимировна Карева

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
► natasha.titova@gmail.com

Институт лингвистических
исследований РАН

Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Евгений Михайлович Матвеев

кандидат филологических наук, доцент
► e.matveev@list.ru, ematveev@list.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9

Natalia V. Kareva

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
9, Tuchkov per., St. Petersburg, Russia

Evgeniy M. Matveev

St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya emb.,
St. Petersburg, Russia

В рамках статьи на примере различных форм именованя двух исторических персонажей — Григория Потемкина (1739–1791) и Емельяна Пугачева (1742–1775) — исследуются принципы тропологического замещения имени в русской поэзии XVIII века. Рассматриваются три разновидности тропологических замен: антономазия, олицетворение и перифраза. Способы именованя Потемкина многообразны. Наиболее частотным является называние героя по фамилии, иногда — с добавлением титула или военного чина. Появление тропологических замещений — в первую очередь, разнообразнейших перифраз — связано с воспеванием его как полководца, государственного деятеля и покровителя искусств. Иногда само имя *Потемкин* становится антономазией со значением ‘грозный военачальник’. Фамилия *Пугачев*, а также гипокористическое имя *Емелька* часто используются в расширенном метонимическом значении: ‘Пугачев и его войско’. Сам исторический персонаж чаще именуется через перифразы и антономазии и лишь изредка — по фамилии. В произведениях Сумарокова и Державина Пугачев сопоставляется со знаменитыми самозванцами прошлого — Разиным, Отрепьевым, Смердисом. Ряд использованных в поэтических текстах апеллятивов фиксируются также в официальных документах 1770-х гг., в том числе в вынесенном Пугачеву приговоре. Представленный материал демонстрирует, что большая часть семантических переосмыслений имени связано с уподоблением одного персонажа другому — эта идея в русской поэзии XVIII века реализуется в олицетворениях, перифразах и антономазиях. Разнообразные по форме тропологические замещения имен позволяют панегирику сформировать образ идеальной реальности, а инвективе — реализовать функцию обличения.

Ключевые слова: XVIII век; русская поэзия; Потемкин; Пугачев; панегирик; инвектива; тропологические замены; собственные имена.

The article is devoted to the principles of tropological substitutions of a proper name in Russian poetry of the 18th century. As examples, the authors take various forms of the naming of two historical characters, Grigory Potemkin (1739–1791) and Emelyan Pugachev (1742–1775), and analyze three types of tropological substitutions: antonomasia, impersonation, and paraphrase. Potemkin's naming methods are diverse. The most common is calling the hero by his last name, sometimes with the addition of a title or military rank. The appearance of tropological substitutions — first of all, of the most diverse paraphrases — is associated with the glorification of him as a commander, statesman and patron of the arts. Sometimes the very name “Potemkin” becomes antonomasia, meaning ‘formidable military leader’. The surname “Pugachev”, as well as the hypocoristic name “Emelka”, are often used in an extended metonymic sense: ‘Pugachev

and his army'. The historical character himself is often referred to through periphrases and antonomasias, and only occasionally by his last name. In Sumarokov's and Derzhavin's works, Pugachev is compared with the famous impostors of the past – Razin, Otrepiev, Smerdis. Several appellatives used in poetic texts are also recorded in official documents of the 1770s, including Pugachev's verdict. The presented material demonstrates that semantic rethinking of a personal name is associated with the assimilation of one character to another. The idea is realized in personifications, periphrases, and antonomasias. Tropological substitutions of personal names in Russian poetry of the 18th century allow the panegyric poetry to form an image of an ideal reality, and the invective poetry to realize the function of denunciation.

Keywords: 18th century; Russian poetry; Grigory Potemkin; Emelyan Pugachev; panegyric; invective; tropological substitutions; personal names.

Ономастическое поле русской поэзии XVIII века: проблемы изучения и актуальные задачи

Антропонимы и примыкающие к ним теонимы и мифонимы в русской словесной культуре XVIII века исключительно важны для формирующегося в эту эпоху литературного языка. В России в это время идет интенсивное создание ономастического поля как особой лингвистической и историко-культурной категории и складывается антропонимический тезаурус новой европеизированной культуры. Е. В. Душечкина отметила уникальность ономастического поля русской литературы XVIII века, который «по количеству и разнообразию имен <...> несравним с именниками ни одного другого столетия»; в русской словесности выявляется «многообразие ономастических полей в этот период, их принадлежность к различным стилистическим системам, которые сменяли друг друга, а порой сосуществовали одновременно» [Душечкина 2015: 105]. Исследовательница выделяет следующие ономастические поля: 1) мифологические и исторические античные имена, 2) библейские имена, 3) имена пантеона славянских языческих богов, 4) имена князей в трагедиях, 5) говорящие имена в комедиях, 6) имена правителей и героев в торжественных одах, 7) вымышленные и реальные имена в сатирах, 8) выдуманные имена в эклогах, элегиях и идиллиях, 9) реальные имена в заглавиях окказиональных стихотворений, 10) имена в русских романах XVIII века, 11) имена в сенти-

ментальных повестях, проложившие дорогу к литературному именнику XIX века [Душечкина 2015: 105–107]. Помимо количества и разнообразия имен, литературный ономастикон XVIII столетия интересен еще в одном отношении: обращает на себя внимание и обилие, и разнообразие тропологических замен имени. Как отметил П. Е. Бухаркин, посвятивший раздел специального исследования таким заменам в русской трагедии XVIII века, «тропологические замещения личного имени четко очерчивают аксиологические параметры текста, оценки, которые получает в пьесе тот или другой персонаж» [Бухаркин, Матвеев 2020: 10]. Именно с оценкой чаще всего связаны и случаи замены антропонима в русской поэзии XVIII века.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим замены имен двух исторических персонажей второй половины XVIII века: Григория Потемкина и Емельяна Пугачева. Эти замены особенно заметны в поэтическом контексте панегирика и инвективы. Мы рассмотрим три основные разновидности тропологических замен: антономазию, олицетворение и перифразу. Под антономазией (прономинацией) понимается «метафорическая фигура, состоящая в экспрессивном использовании имени собственного в значении имени нарицательного» [Москвин 2007: 592], а также обратное: «замена имени собственного именем нарицательным» [Москвин 2007: 597]. Под олицетворением в контексте нашей работы будут пониматься примеры использования для наименования исторического лица мифологического имени или имени другого исторического персонажа. Такие случаи, когда имя выполняет функцию устойчивого эпитета или «имени-титула» [Проскурина 2006: 59] можно рассматривать в качестве особой формы олицетворения [Войнова 1977: 126]. Перифраза — это «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [Москвин 2007: 551].

Именования Г. А. Потемкина

Способы именования Г. А. Потемкина в русской поэзии XVIII века многообразны. Наиболее частотным и нейтральным является именование героя по фамилии, например:

Сокровищница мужа щедр / Стоит отверста, как сама природы недра. / Видь, коль **Потемкина** ни дарствует рука, / Он полон как река!» (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («В ином течет натура чине!...»)).

В самих стихотворных произведениях используется изолированная фамилия *Потемкин*, а в заглавиях — фамилия с добавлением титула (*граф*, *князь*, *его сиятельство*, *его светлость*, *его высокопревосходительство*), военного чина (*генерал-фельдмаршал*) и почетного «географического» титула (*Таврический*):

Его сиятельству князю Григорью Александровичу Потемкину (Петров). **Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину** (Петров). **Его Высокопревосходительству Григорию Александровичу Потемкину** (Майков). Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила, в доме **генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического**, близ Конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апреля (Державин). Плач на кончину **его светлости князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического** 1791 года, октября 5 дня (Петров). **Смерть князя Потемкина** (Дмитриев). Сонет **графу Григорию Александровичу Потемкину** (Майков).

С «географическим» титулом связана и встречающаяся в поэзии перифраза *князь Тавриды*:

Чей одр — земля; кров — воздух синь; / Чертоги — вокруг пустыни виды? / Не ты ли, Счастья, Славы сын / Великолепный **князь Тавриды**? (Державин «Водопад»). Осьмнадцать лет служил при **князе я Тавриды**; / Но к горести моей и к чувству обиды / Тот, кто трудившихся при оном представлял / Умершим знать меня сочтя, не написал (Рубан «Письмо Его Сиятельству графу П. А. Зубову»).

Большинство тропологических замещений имени Потемкина связано с воспеванием трех сторон его личности: полководец — государственный деятель — покровитель поэтов / поэт.

На первом плане оказывается образ Потемкина-полководца. Для обозначения его воинских заслуг в поэзии часто всего используются перифразы: *напастьми искушенный воин*, *метатель Перуна*, *Ея <Екатерины II> архистратиг*, *вождь россиян градоборных*, *Российский Марс*, *подвижник славы*, *подвижник знаменитый в брани* и др. Приведем примеры из поэзии Петрова и Державина²:

Дерзай вступи́ти во чертог, / **Напастьми искушенный воин**; / Твой подвиг почестей достоин, / Тебе сопутник — мира бог (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Средь благ, которы очеси...»)). **Метатель** на врагов **перуна** / Полн ведений, как сеять мир: / Премудрости его фортуна / Послушна, низких душ кумир (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Востани, муза! Петь достоин...»)). О! Ежели бы он <султан Абдул-Хамид I> увидел / **Ея архистратига** сам; / Душей бы брань возненавидел (Петров «На взятые Очакова»). Так **вождь россиян градоборных**, / Закон победы начертал / ... Преступа треск появы́й слухом, / Сорадуется бодрым духом (Петров «На взятие Измаила»). **Российский** только **Марс**, Потемкин, / Не ужасается зимы (Державин «Осень во время осады Очакова»). **Подвижник славы**, успокойся; / Почий от тягостных трудов (Петров «На взятые Очакова»). **Подвижник знаменитый в брани!** / В ком счастья общего залог; / У коего меч грозный в длани, / С Екатериной в сердце Бог / ... Ты скорю ль воззвучишь трубою (Петров «На взятые Очакова»).

В державинском «Водопаде» встречаем пример олицетворения, Потемкин назван именем древнегреческого героя *Ахилла*:

Взять шлем Ахиллов не робеет, / Нашедши в поле, Фирс? — Увы! / И плоть и грудь коль истлевет: / Что ж нашу славу составляет? (Державин «Водопад»).

Здесь прилагательное *Ахиллов* используется в значении «относящийся к Потемкину». В «Объяснениях на сочинения» Державин расшифровывает использованное им уподобление: «Фирс, или Терсит <...> превеликий трус, который однако охудал Ахиллеса; отношение к кн. Зубову, который, счастием приобретши власть, охудал иногда дела кн. Потемкина, но при восшествии на престол имп. Павла показал, что сам не имел великой души» (Державин 1864–1883: 1, 486; 3, 642).

В поэзии В. П. Петрова встречаются перифразы, характеризующие Потемкина как выдающегося государственного деятеля екатерининской эпохи. Будучи сподвижником и фаворитом императрицы, Потемкин назван *Екатерининым другом*:

Потемкин здесь лежит, **Екатеринин друг**, / Не полон дней числом, бессмертен тьмой заслуг (Петров «Плач на кончину его светлости князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического 1791 года»).

В оде Потемкину 1778 г. Петровым использованы перифразы *отец народов* и — более вычурная и менее очевидная — *ловец словесных*:

Словесных радуйся ловец! / Твой строй в кровавой
бывый пене / Не имать в сем участья плене. / Народов радуйся
отец! / Твои, твои суть чада сии, / Твой разум их родил Рос-
сии (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу
Потемкину» («Средь благ, которые очеси...»)).

В этих строках Потемкин (азовский, ново-
российский и астраханский генерал-губернатор)
прославляется как организатор переселения
в 1778 году крымских христиан на территорию
России в Азовскую и Новороссийскую губернии³.
Смысл перифразы *отец народов* легко объясним,
если учесть, что среди переселяемых были греки,
армяне, грузины и «волохи» (румыны и молдава-
не) [Дейников 2014: 163]. Перифразу же *ловец сло-
весных* помогает интерпретировать содержащаяся
в ней аллюзия на евангельский текст: «Проходя же
близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев:
Симона, называемого Петром, и Андрея, брата
его, закидывающих сети в море, ибо они были
рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сде-
лаю вас ловцами человеков <курсив наш — Н. К.,
Е. М.>» (Мф. 4: 18–19). Таким образом, Потемкин,
переселяющий христиан из Крымского ханства
в Российскую империю, уподоблен апостолу.

Предметом прославления в поэзии Петрова
и Державина становятся также и действительный
или мнимый поэтический творческий потенциал
Потемкина. О нем с панегирическим преувели-
чением писал Петров в оде «Его светлости князю
Григорью Александровичу Потемкину» (1779),
сравнивая своего друга с Гомером:

Чести певца Троянской брани / Был, пишут, Алексан-
дров вкус: / Как сот, Потемкина гортани / Твой стих, великий
отче муз <Аполлон> <...> Не тяжек славных слов примесом, /
Красот во слоге он <Потемкин> пример; / Когда б он не был
Ахиллесом, / Всемерно был бы он Гомер (Петров «Его светло-
сти князю Григорью Александровичу Потемкину» («Востани,
муза! Петь достоит...»))⁴.

Параллель с Аполлоном, покровителем ис-
кусств, актуализируется в двух наименованиях
Потемкина, которые использованы Петровым
и Державиным. Это перифразы *Феб новый* и *друг
Аполлона*:

То рекши, бог <Аполлон> едва в путь должный обра-
тился, / Как в сердце ты моем, **Феб новый**, ощутился (Петров
«Его светлости князю Григорью Александровичу Потемки-

ну»). Не ты ль наперсником близ трона / У северной Минервы
был: / Во храме Муз **друг Аполлона**, / На поле Марса вождем
слыл (Державин «Водопад»).

Державинский пример прокомментирован
Я. К. Гротом следующим образом: «Другом Апол-
лона назван Потемкин потому, что он не только
любил литературу, но и сам в молодости писал
стихи» (Державин 1864–1883: 1, 474).

На особое покровительство Потемкина Пе-
трову намекает Державин, применяя олицетворе-
ние *Меценат*:

Оливы свежи и зелены / Принес и бросил Мир из рук;
/ Родства и дружбы вопли, стоны / И Муз ахейских жалкий
звук / Вокруг Перикла раздается; / Марон по **Меценате** рвется
(Державин «Водопад»).

О семантике двух олицетворений (*Марон*
и *Меценат*) говорится в «Объяснениях» Г. Р. Дер-
жавина: «Марон, или Virgilius, славный писа-
тель латинский, в эклогах своих прославлял Ме-
цената, любимца Августа, а г. Петров, переводив-
ший Virgilius на российский язык, писал элегию
на смерть кн. Потемкина, который его покрови-
тельствовавал, как Меценат Virgilius» (Державин
1864–1883: 3, 641).

В семантике некоторых тропологических
замещений могут объединяться разные стороны
личности Потемкина. В поэзии Петрова Потем-
кин неоднократно называется словом *герой*. Эта
антономазия в некоторых случаях подчеркивает
его военные заслуги, как, например, в оде «На взя-
тье Очакова»:

И се **герой** преобразует / Мечеть Всевышнему
во трон, / И всем соратным показывает, / Кому победой должен
он (Петров «На взятие Очакова»).

В оде «На приобретение Крыма» это же наи-
менование подчеркивает дипломатические спо-
собности Потемкина:

В обращении к Екатерине II. Ах, ежели во мне нелож-
но / Пророчество правдивых муз, / Султана убедить возмож-
но / Избавить пленников от уз. / Не движа с мест ни бомб, ни
строя, / Пошли к нему того **героя**, / Кем ханов уразднил
трон. / Услыша твоего витию, / Он сам оставит Византию /
И выйдет из Европы вон (Петров «На приобретение Кры-
ма»).

В следующем примере семантика слова *герой* шире. Речь идет о выдающихся заслугах Потемкина вообще, благодаря которым он войдет в историю:

В обращении к музе Клио. Поя в герое добродетель, / Учи других за ним парити, / Кажи орла близ дальних звезд (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Сними с стены висящу лиру...»)).

Не случайно в державинском «Водопаде» Потемкин также описан в числе *героев*. Их слава, как представляется сначала, превращается в пыль, но потом оказывается, что историческая память о ней сохранится в веках:

*Единый час, одно мгновенье / Удобны царствы поразить, / Одно стихиев дуновенье / Гигантов в прах преобразить; / Их ищут места — и не знают: / В пыли героев попирают! // Героев? — Нет! Но их дела / Из мрака и веков блистают; / Нетленна память, похвала / И из развалин вылетают; / Как холмы, гробы их цветут; / Напишется **Потемкин труд**. // Театр его — был край Эвксина, / Сердца обязанные — храм; / Рука с венцом — Екатерина; / Гремяща слава — фимиам; / Жизнь — жертвенник торжеств и крови, / Гробница — ужаса, любви (Державин «Водопад»).*

В использованном здесь сочетании *Потемкин труд* можно увидеть уподобление выдающейся военной и государственной деятельности Потемкину подвигам Геракла. Ср. сочетание *Алцидов труд* в значении 'Подвиги Геракла' у Ломоносова:

*Хвалить хочу Атрид, / Хочу о Кадме петь, / А Гуслей тон моих / Звенит одну любовь. / Стянул на новый лад / Недавно струны все, / Запел **Алцидов труд**, / Но лиры звон моей / Поет одну любовь (Ломоносов «Хвалить хочу Атрид...»).*

В «Водопаде» Державина также фигурирует олицетворение *Алцибиад*. Оно объединяет в себе похвалу государственному деятелю и полководцу:

*Пришедши, старец надпись зрит: / «Здесь труп Потемкина сокрыт!» / **Алцибадов прах!** — И смеет / Червь ползать вокруг его главы? (Державин «Водопад»).*

Любопытно державинское примечание к этим строкам: комментируя, поэт ничего не говорит о том, что и Алкивиад, и Потемкин были государственными деятелями и полководцами, а упоминает другое, менее очевидное, основание для уподобления: «По роскошной жизни здесь

кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» [Державин 1864–1883: 3, 641].

Еще одно олицетворение Потемкина — *Перикл* — также обладает двуплановостью:

*И Муз ахейских жалкий звук / Вокруг **Перикла** раздается (Державин «Водопад»).*

Наиболее очевидное основание для уподобления: государственный деятель и полководец сравнивается с государственным деятелем и полководцем прошлого. Однако в комментарии Г. Р. Державина снова подчеркивается другой аспект уподобления — любовь к наукам и красноречию: «Евгений, славный архиепископ славянский <Евгений (Булгарис), архиепископ Славянский и Херсонский — Н. К., Е. М.>, на греческом языке написал кн. Потемкину эпитафию: то и уподобляется он в этом стихе Периклу, любившему науки и красноречие» [Державин 1864–1883: 3, 641].

Два приведенных примера олицетворений и их истолкований демонстрируют одну из особенностей державинского комментария к своим произведениям: создавая «Объяснения», он намеренно избегал толкования очевидной и банальной семантики онимов, останавливая внимание своих читателей на более тонких семантических нюансах, объясняющих уподобления. При этом отсутствие очевидного истолкования образов в «Объяснениях» не означает, что эти очевидные смыслы отсутствовали в поэтическом тексте — они, по-видимому, лишь не требовали для читателей XVIII века специальных комментариев.

Помимо рассмотренных случаев замещения имени Потемкина именами героев прошлого, в русской поэзии XVIII века встречаются примеры, когда само это имя выступает в роли тропологического замещения. Подвергаясь апелляции (деонимизации), оно становится антономазией со значением '*грозный военачальник*' и может использоваться во множественном числе:

*Стране, где храбры в бой исходят / И где **Потемкины** предводят, / Вотще ползущий ков грозит (Петров «На взятие Измаила»).*

Именования Е. И. Пугачева

Рассмотрим способы наименования Е. Пугачева в контексте инвективы. В отличие от Потемкина, именование героя по фамилии не является здесь наиболее частотным. Наименование предводителя крестьянского восстания 1773–1775 гг. по фамилии встречается, например, у А. П. Сумарокова:

Осетил Пугачев себе людей безумных, / Не знающих никак нимало божества. / Прибавил к ним во сеть людей, пьянством шумных, / Извергов естества (Сумароков «Станс граду Синбирску на Пугачова»).

Чаще фамилия героя используется не просто для его наименования, а в расширенном метонимическом значении *‘Пугачев и его сторонники, его войско’*. Ср. примеры из поэзии Державина:

В обращении к Екатерине II. Не будут жатвы попле-
ненны, / Не будут села поपालены, / Не прольет **Пугачов** кро-
вей. / Твоя кротчайшая природа / Утешит все страны народа,
/ Коль будет в власти все твоей (Державин «Ода на день рож-
дения Ея Величества»). О князе П. М. Голицыне. Он первый
опроверг в укреплениях **Пугачова**; / Изменникам дал страх, отвагу
нам вперил (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»). Сви-
репый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод,
вломился **Пугачов**. / Грубейшая толпа, разжжена
изуверством, / Прельщенна кознями, грабительством и звер-
ством, / Как волки хищные порыскали на труп (Там же).

Кроме фамилии, в поэзии может фигурировать гипокористическое имя *Емелька*, которое, как и фамилия, может приобретать как прямое, так и расширенное метонимическое значения:

Емелька с Катилиной — змей; / Разбойник, распрен-
ник, грабитель / И царь, невинных утеснитель, — / Равно
вселенной всей злодей (Державин «Ода на знатность»). В *об-
ращении к И. И. Михельсону*. Хотя в истории дела твои и труд
/ Потомки поздные увидят и прочтут; / Хотя известно всем то
будет непременно, / **Емельку** что ты гнал везде неутомленно
(Державин «Эпистола к генералу Михельсону»).

В первом приведенном державинском при-
мере речь идет непосредственно о Емельяне Пуга-
чеве, во втором — о Пугачевском войске.

Именование Пугачева в поэзии (в основном у Державина) часто осуществляется при помощи тропологических замещений — антономазии и перифразы. Любопытно, что державинские антономазии могут развиваться как по метафорическому,

так и по метонимическому типу. К первому можно отнести такие антономазии, как *змий (змеи), чудовище, тигр, хищник*:

Но что за гром мне ударяет? / Екатерине мир взыва-
ет: / Ты свергла **Змия** и Луну! (Державин «Ода на великость»).
Взвертел тогда тут **змеи** свое в гортани жало: / Нельзя пре-
дательству усердия попать, — / Велел предместие пожару
пожирать (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»).
О несостоявшемся поединке П. С. Потемкина и Пугачева. По-
темкин, сердце, дух имея и проворство, / Хотел **чудовище**
воззвать в единоборство (Там же). Свирепый, злобный **тигр**,
рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пуга-
чов (Там же). В *обращении к И. И. Михельсону*. С сибирских
почти стран до донския стремнины, / Прошел — и поражал
бегущих сопостат / И **хищника** разбил — ты знаешь, сколько
крат! (Там же).

Ко второму типу относятся такие распро-
страненные апеллятивы, как *самозванец, злодей, варвар*:

Бегут свирепые, кровями блещет взгляд, / И всякий
умереть за **самозванца** рад (Там же). *О наступлении пугачев-
цев на Казань*. Тревожный глас и вопль по улицам несется: /
Идет **злодей**⁵ на град! Слух в граде раздается (Там же). Лю-
бовь монархини и мать в ней забывая, / За **варвара** живот
и душу полагаю (Там же).

Как отмечает Д. В. Руднев, Пугачев назы-
вался *варваром, самозванцем и злодеем* в офици-
альных документах, в т. ч. в протоколах допросов
и в вынесенном ему приговоре [Руднев 2021: 600–
605]. Приведем два найденные им примера:

Сентенция, 1775 года января 10. О наказании смертною
казнию **изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева** и его
сообщников («Манифесты и указы, относящиеся к пугачевско-
му бунту»). 1774-го года сентября 16 дня в отделенной секрет-
ной комиссии, что в Яицком городке, **государственной зло-
дей**, похитивший имя в бозе почивающего императора Петра
Третьяго, **Емелька Пугачев** допрашиван («Емельян Пугачев
на следствии. Сборник документов и материалов»).

Ср. также именование *самозванец* в прозе
Г. Р. Державина:

Чрез несколько минут представлен **самозванец** в тяж-
ких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном,
скверном широком тулупе (Державин «Записки из известных
всем произшествиев и подлинных дел»).

Перифрастические наименования Пугаче-
ва также оказываются весьма разнообразными.

Сумароков использует перифразы *Новый Разин* и *Разин нынешний*:

Но сколько всем сердцам ты, **новый Разин**, мерзок, /
Колико духом подл и мужеством ты мал (Сумароков «Станс
граду Симбирску на Пугачева»). <В обращении к г. Симбир-
ску> А **Разин нынешний** в твои падет оковы, / И во стенах
твоих окованный сидит (Там же).

Основанием для сумароковского сопоставления Пугачева с Разиным было не только то, что оба они были предводителями крестьянских восстаний, но и то обстоятельство, что разгром обоих восстаний был связан с Симбирском, который воспевают Сумароков. Под Симбирском в 1670 г. были разбиты правительственными войсками отряды С. Т. Разина; сюда же после передачи сообщниками правительственным войскам был переведен Пугачев, здесь он находился под следствием [Берков 1957: 535; Мавродин 1973: 51].

Обширная серия перифраз использована Державиным в «Эпистоле к генералу Михельсону» — *скверных скопищ вождь, бич здешних стран, преемник Гришки, Смерда, соотчик Разина*:

Носился вихрями ревущих ядер град, / Уж **скверных скопищ вождь** хотел идти назад (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»). Тогда **бич здешних стран, преемник Гришки, Смерда, / Соотчик Разина**, разбойника злосерда, / Свирепый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пугачов (Там же).

В последнем обширном перифрастическом кусте Пугачев сопоставлен с двумя самозванцами, чьим «преемником» он виделся. Первый из них — это Лжедмитрий I, Григорий Отрепьев, названный в тексте гипокористическим именем *Гришка*. Второй — Смердис (также Лжебардия и Гаумата) — самозванец, выдавший себя за младшего брата царя Камбиса II Бардию и захвативший власть в Персидской империи [Smith 1867: 844; Суялер 1988]. Представляется, что замена *Смердиса* на *Смерда* неслучайна: благодаря этой замене происходила актуализация внутренней формы имени персидского самозванца и оно, получив дополнительную отрицательную оценочную коннотацию, начинало ассоциироваться со словом *смерд* («подлой, в черной работе обращающийся, к черни принадлежащий» [САР 5, 587]) — ассоциация более

чем уместная по отношению к беглому казаку. Далее Пугачев назван *соотчиком* (т. е. соотечественником [САР 4, 667]) Разина. Как и Сумароков, Державин вместо упоминания общего очевидного основания для уподобления (оба героя — предводители крестьянских восстаний) комментирует нечто более специфическое: оба предводителя были уроженцами станицы Зимовейская⁶.

Д. В. Ларкович выявил эволюцию именования Пугачева в державинских стихотворениях: если в «читалагайских» одах 1774 г. (в «Оде на день рождения ея величества» и в «Оде на смерть генерал-аншефа Бибикова») используется нейтральный антропоним «Пугачев», то в «читалагайских» одах 1775 г. («На знатность» и «На великость»)⁷ Державин «использует в одном случае экспрессивно ангажированную форму «Емелька» и дважды — антропонимизированный апеллатив «змей», тем самым как бы вообще табуируя именное обозначение фигуры предводителя мятежников <...> Если в одах 1774 г. Пугачев выступает лишь как частное проявление злодейских поступков и намерений <...>, то в одах 1775 г. его масштаб вырастает до уровня предельного обобщения сил мирового зла, выраженного в форме мифориторической фигуры «Змей» [Ларкович 2007: 36]. В «Эпистоле генералу Михельсону» (1775) образ Пугачева уже не ограничивается единичными однословными обозначениями, он «представлен многочисленными номинациями, обладающими разнообразными семантическими нюансами («зло», «злодей», «злой враг», «нахальный враг», «страшный враг», «изменник», «изувер», «варвар», «росский вред», «ехидна», «змей», «презренная тварь», «хищник», «чудовище», «скверных скопищ вождь», «самозванец»), нередко переходящими в развернутые образно-сравнительные определения [см. приведенные выше примеры перифраз — Н. К., Е. М.] и вовлекающими его в широкий историко-культурный контекст» [Ларкович 2007: 38].

Заключение

Представленный материал демонстрирует, что большинство выявленных нами форм семантических переосмыслений имен в поэзии связано с уподоблением одного персонажа другому.

При этом идея уподобления может содержаться не только в олицетворениях и перифразах с именем собственным, но и в антономазиях, как в случае с апеллятивом *змеи*. В. А. Кузнецов проанализировал характерные для эпохи классицизма поэтические уподобления писателям, «на чей эстетический опыт ориентирована данная национальная литература, с чьим именем связана отправная или функционально важная точка в развитии жанра» [Кузнецов 1993: 74], такие как: Кантемир — *наш Ювенал*, Ломоносов — *русский Пиндар*, Сумароков — *полночный Расин*. Та же персонифицированность классицистического сознания проявляется и в уподоблениях героев высокой поэзии мифологическим, библейским и историческим персонажам. Во многом именно за счет этих описанных нами разнообразных по форме тропологических замещений имени в панегирике формируется образ идеальной реальности, а инвектива реализует свою функцию обличения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выделяя разновидности тропологических замен имени, мы опираемся на классификацию форм преобразования имен собственных в русской панегирической поэзии XVIII века, разработанную для готовящегося в отделе «Словаря языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века». См. о проекте словаря: [Матвеев 2020].

² В настоящей работе мы не касаемся вопроса о различиях в изображении Потемкина в поэзии Петрова и Державина. Сопоставлению принципов номинации Потемкина в произведениях этих двух поэтов посвящена специальная готовящаяся к публикации статья проф. У. Екуч [Екуч 2022].

³ Подробнее о «новороссийском проекте» Потемкина и отражении его колонизаторской деятельности в одической поэзии см. [Зорин 2001: 106–108].

⁴ Известно, что Потемкин, сравниваемый здесь с Александром Македонским, читал Гомера вместе с Петровым. Вероятно, Потемкин рассчитывал, что Петров переведет Гомера, однако поэт обманул надежды своего покровителя [Позднев 2018].

⁵ «Злодей» в языке XVIII в. — ‘преступник’, ‘человек, преступающий закон’ [Сл. РЯ XVIII в. 8, 188].

⁶ Версия о том, что Разин, как и Пугачев, был уроженцем станции Зимовейская, была высказана А. Ригельманом в 1778 г. [Ригельман 1846: 58].

⁷ Уточнение гротовской датировки «читалагайских» од см.: [Алексеева 1993: 77–78].

СЛОВАРИ

Москвин 2007 — Москвин В. П. *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

САР — *Словарь Академии Российской, производным путем расположенный*. Ч. I–VI. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1789–1794.

Сл. РЯ XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 7–22–. СПб.: Наука, 1992–2019–.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 1993 — Алексеева Н. Ю. Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды). В сб.: *XVIII век*. Кочеткова Н. Д. (ред.). Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 75–92.

Берков 1957 — Берков П. Н. [Примечания]. В кн.: Сумароков А. П. *Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1957. С. 513–577.

Бухаркин, Матвеев 2020 — Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М. Антропонимы в русской литературе XVIII века: о некоторых аспектах функционирования имени в оде и трагедии. *Русская литература*. 2020 (3): 5–19.

Войнова 1977 — Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. В сб.: *Проблемы исторической лексикографии*. Сорокин Ю. С. (ред.) Л.: Наука, 1977. С. 121–129.

Дейников 2014 — Дейников Р. Т. К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. *Вопросы истории*. 2014 (4): 153–168.

Державин 1864–1883 — Державин Г. Р. *Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота*: в 9 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864–1883.

Душечкина 2015 — Душечкина Е. В. Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме). В сб.: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. 7–11 сентября 2015 г.* Березович Е. Л. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2015. С. 105–107.

Екуч 2022 — Екуч У. Имя Потемкина в одах В. Петрова и Г. Державина. В сб.: *Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века*. Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М. (ред.) СПб., 2022 (в печати).

Елисеева 2016 — Елисеева О. *Григорий Потемкин*. М.: Молодая гвардия, 2016.

Зорин 2001 — Зорин А. *Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX вв.* М.: НЛО, 2001.

Кузнецов 1993 — Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2*. 1993 (1/2): 73–78.

Ларкович 2007 — Ларкович Д. В. Пугачевский бунт в лирическом осмыслении Г. Р. Державина. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2007 (2): 33–41.

Мавродин 1973 — Мавродин В.В. *Крестыанская война под руководством Пугачева*. М.: Знание, 1973.

Матвеев 2020 — Матвеев Е.М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века. В сб.: *Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы*. Волков С. С., Карева Н.В., Матвеев Е.М. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 71–117.

Позднев 2018 — Позднев М. М. Гомер Потемкина. *Philologia Classica*. 2018. № 13(2). С. 288–302.

Проскурина 2006 — Проскурина В. *Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М.: НЛО, 2006.

Руднев 2021 — Руднев Д. В. Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именования Пугачева в документах 1770-х гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 590–608.

Ригельман 1846 — Ригельман А. *История или повествование о донских казаках*. М.: Университетская тип., 1846.

Smith 1867 — Smith W. (ed.) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*. Vol. III. Boston, 1867.

Cuyler 1988 — Cuyler Young T., Jr. The Consolidation of the Empire and its Limits of Growth under Darius and Xerxes. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC. J. Boardman, Hammond N. G. L., Lewis D. M., Ostwald M. (ed.). Cambridge, 1988. P. 53–111.

DICTIONARIES

Москвин 2007 — Moskvina V.P. *Expressive Means of Modern Russian Speech: Tropes and Figures: Terminological Dictionary*. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. (In Russian)

САР — Dictionary of the Russian Academy, in etymological order located. Vol. I–VI. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794. (In Russian)

Сл. РЯ XVIII в. — *Dictionary of the Russian language of the 18th century*. Vol. 1–6. Leningrad: Nauka, 1984–1991. Vol. 7–22–. St. Petersburg: Nauka, 1992–2019–. (In Russian)

REFERENCES

Алексеева 1993 — Alekseeva N. Iu. Derzhavin's odes of 1775 (on the reform of the ode). In: *XVIII vek*. Kochetkova N. D. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. P. 75–92. (In Russian)

Берков 1957 — Berkov P. N. [Comments]. In: Sumarokov A. P. *Selected works*. Leningrad: Sovetskij pisatel Publ., 1957. P. 513–577. (In Russian)

Бухаркин, Матвеев 2020 — Buharkin P. E., Matveev E. M. Anthroponyms in the Eighteenth-Century Russian Literature: Certain Aspects of Appellatives' Functionality in Ode and Tragedy. *Russkaya literatura*. 2020 (3): 5–19. (In Russian)

Войнова 1977 — Vojnova L. A. Functional and semantic features of mythological personal names and their representation in the historical dictionary of the 18th century. In: *Problemy istoricheskoy leksikografii*. Sorokin Yu. S. (ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 121–129. (In Russian)

Дейников 2014 — Dejnikov R. T. To the question of withdrawal of Christians from the Crimean Khanate in 1778. *Voprosy istorii*.

2014 (4): 153–168. (In Russian)

Державин 1864–1883 — Derzhavin G. R. *Works / with explanatory notes by Ia. Grot: in 9 vol.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1864–1883. (In Russian)

Душечкина 2015 — Dushechkina E. V. Anthroponymic space of Russian literature of the 18th century (notes on the topic). In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 7–11 sentyabrya 2015 g.* Berezovich E. L. (ed.). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2015. P. 105–107. (In Russian)

Екуч 2022 — Ekuch U. Potemkin's name in odes by V. Petrov and G. Derzhavin. In: *Antroponimy v russkoj slovesnoj kul'ture XVIII veka*. Buharkin P. E., Matveev E. M. (ed.). St. Petersburg, 2022 (in press). (In Russian)

Елисеева 2016 — Eliseeva O. *Grigorij Potemkin*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2016. (In Russian)

Зорин 2001 — Zorin A. *Feeding the two-headed eagle...: Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries*. Moscow: New literary review Publ., 2001. (In Russian)

Кузнецов 1993 — Kuznecov V. A. Poetic comparisons in Russian literature of the 18th century: (On the question of the personification of classicist aesthetic consciousness). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo unersiteta. Ser. 2*. 1993 (1/2): 73–78. (In Russian)

Ларкович 2007 — Larkovich D. V. The Pugachev rebellion in the lyrical interpretation of G.R.Derzhavin. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2007 (2): 33–41. (In Russian)

Мавродин 1973 — Mavrodin V. V. *Peasant war led by Pugachev*. Moscow: Znanie Publ., 1973. (In Russian)

Матвеев 2020 — Matveev E. M. On the Project of the Dictionary of Anthroponyms in Russian 18th Century Panegyric Poetry. In: *Materialy metajazykovogo seminaru ILLI RAN*. Iss. 3. Volkov S. S., Kareva N. V., Matveev E. M. (ed.). St. Petersburg: ILLI RAN, 2020. P. 71–117. (In Russian)

Позднев 2018 — Pozdnev M. M. Potemkin's Homere. *Philologia Classica*. 2018 (13/2): 288–302 (In Russian).

Проскурина 2006 — Proskurina V. *Myths of Empire. Literature and Power in time of Catherine II*. Moscow, New literary review Publ., 2006. (In Russian)

Руднев 2022 — Rudnev D. V. A person's name in business communication of the 18th century (Pugachev's appellations in the documents of the 1770s). In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*. 2021, 18 (3): 590–608. (In Russian).

Ригельман 1846 — Rigelman A. *History or narration about the Don Cossacks*. Moscow: University Press, 1846. (In Russian).

Smith 1867 — Smith W. (ed.) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*. Vol. III. Boston, 1867.

Cuyler 1988 — Cuyler Young T., Jr. The Consolidation of the Empire and its Limits of Growth under Darius and Xerxes. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC. J. Boardman, Hammond N. G. L., Lewis D. M., Ostwald M. (ed.). Cambridge, 1988. P. 53–111.